Н Ю АЛЕКСЕЕВА

«РАССУЖДЕНИЕ О ОДЕ ВООБЩЕ» В. К. ТРЕДИАКОВСКОГО

Известное и часто цитируемое замечание А С Пушкина, сделанное им по поводу комедии А С Грибоедова «Горе от ума» «Драматического писателя должно судить по законам, им самим над собою признанным»,[1] можно отнести не только к писателю, но и к жанру, и, конечно, не только драматическому Однако, когда речь заходит об оде, презумпция «законов», как правило, не учитывается Между тем ода в отличие от большинства жанров русского классицизма такими законами, т е нормативной поэтикой, обладала Они были изложены ей на самой заре ее появления В К Тредиаковским в «Рассуждении о оде вообще», изданном вместе с первым образцом «правильной» оды — одой «На здачу города Гданска» — в 1734 г [2] Этот важный трактат до сих пор специально не рассматривался в самом близком для него контексте — контексте истории русской оды Ему, правда, посвящен отдельный параграф в книге Г Ахингер «Der franzosische Anteil an der russischen Literaturkritik des 18 Jahrhunderts»,[3] но автора, что явствует из заглавия книги, интересует не судьба оды, а французские влияния в русской критике и теории литературы, в свете которых рассматривается и «Рассуждение» О полном безразличии к вопросу о значении «Рассуждения» для развития жанра свидетельствует, например, и тот факт, что Г Ахингер использует для анализа вторую редакцию «Рассуждения», вошедшую в корпус «Сочинений и переводов» Тредиаковского 1752 г ,[4] не оговаривая различий ее с первым изданием, которые для нее, по всей видимости, не существенны На самом деле вторая редакция отлична от первой помимо стилистических изменений тремя принципиальными положениями определением предмета оды — во второй редакции он

---

[1] Письмо А А Бестужеву конца января 1825 г // Пушкин Полн собр соч М , Л , 1937 Т 13 С 138

[2] Рассуждение о оде вообще // Ода торжественная о здаче города Гданска, сочиненная в вящшую славу имени ⟨ ⟩ великия государыни Анны Иоанновны ⟨ ⟩ Чрез Василья Тредиаковскаго Санктпетербургския имп Академии наук секретаря СПб Печ при Имп Акад наук, 1734 Новейшее издание, выполненное А Левицким, см Vasilij Kirillovic Trediakovskij Psalter 1753 Paderborn, Munchen, Wien, Zurich, 1989 Приложение V Рассуждение о оде вообще С 536—540 В дальнейшем цитируется по изданию 1734 г , в связи с отсутствием пагинации номера страниц указываются в квадратных скобках

[3] *Achinger G* Der franzosische Anteil an der russischen Literaturkritik des 18 Jahrhunderts unter besonderer Berucksichtigung der Zeitschriften (1730—1780) Verlag Gehlen Berlin, Zurich, 1970

[4] Сочинения и переводы как стихами так и прозою Василья Тредиаковского Т 1—2 СПб , при Акад наук, 1752 Т 2 С 278—281

© Н Ю Алексеева 1996

расширен («материя благородная, важная и великолепная» [24] — 1734;[5] «материя благородная, важная, редко нежная и приятная» — 1752); включением приводимого Г Ахингер пассажа о стиле псалмов;[6] отсутствием пространной характеристики оды Феофана Прокоповича и всякого упоминания о ней Общее довольно суровое заключение о том, что «bei ihm fällt eine persönliche Stellungnahme fort»,[7] и о полной его подражательности «Discours sur l'ode» Н Буало и Ш Роллену[8] не помешало, однако, Г. Ахингер увидеть две несуразности «Рассуждения», явно не соответствующие «Discours». Первая из них состоит в неразличении пиндарической и горацианской оды.[9] Другую странность в изложении теории оды Тредиаковским Ахингер справедливо усматривает в его утверждении, что ода «благородством материи и высокостию речей не разнится от эпическия Поэзии, но токмо краткостию своею» [10] «Различие, основанное на длине», предопределило, по мнению немецкого исследователя, «дальнейшую путаницу в понимании лирической и эпической поэзии»[11] в России. Последнее ясно показывает, что Г. Ахингер не умела оценить всю трудность введения в Россию французской теории оды

Тредиаковский начинает свой трактат с определения, что уже показывает, что Тредиаковский из более или менее необязательной реплики Буало в споре «древних» и «новых», направленной против Ш. Перро в защиту стиля Пиндара, а вместе с ним и жанра оды, отцом которого, по представлению классицизма, он являлся, создает нормативную поэтику, т е дополняет Буало и снимает злободневность 1693 г., отличавшую «Discours». Он встраивает по существу новый для России жанр — оду — в систему русской литературы, в которой классицизма, по существу, еще не было (трактат Тредиаковского — первая ласточка классицистической теории), а теория и практика жанров имела свою специфику. Так, Тредиа-

---

[5] Там же С 278

[6] *Achinger G* Der franzosische Anteil an der russischen Literaturkritik des 18 Jahrhunderts S 29

[7] Ibid S 29 ⟨«у него отсутствует свой собственный взгляд на оду»⟩

[8] Ibid Г Ахингер сопоставляет соответствующие места из Ш Роллена и В Тредиаковского

[9] Ibid S 28 «Anscheinend sah er keinen Unterschied zwieschen der pindarischen und der horazischen Ode» ⟨«Очевидно, он не видел разницы между пиндарической и горацианской одой»⟩, что, по мнению Г Ахингер, свидетельствует об «отсутствии выработанного им самим представления об оде как о жанре» («Ihre fehlerhafte Gleichsetzung zeigt das Fehlen einer selbst erarbeiteten Kenntnis der Ode als Gattung»)

[10] *Тредиаковский В К* Разсуждение о оде вообще // Тредиаковский В К Сочинения и переводы Т 2 С 279

[11] *Achinger G* Der franzosische Anteil an der russischen Literaturkritik des 18 Jahrhunderts S 28 «Trediakovskij siet zwieschen beiden [Ode u Epos — *Н А*] nur außerte Differenz, die sich auf den Unterschied in der Lange grundet Damit unterliegt auch er der Begriffsverwirrung zwischen epischer und lyrischer Dichtung, die das gesamte 18 Jahrhundert beherrschte»

ковский явно избегает в начале «Рассуждения» относить оду к лирической поэзии, что было обыкновенным в любой поэтике — школьной или классицистической Термин «лирическая поэзия» появится только в том месте трактата, где Тредиаковский приводит слова Буало

Тредиаковский, дав определение оде (причем замечательно, что он ни словом не упоминает о ее происхождении и о том, что оды когда-то исполнялись под музыку, что было обычным в определении оды вплоть до Ш. Батте или Г Р. Державина), пытается соотнести новый жанр с жанрами, известными в России. Начинает он действительно с эпопеи В России эпопеи как таковой не было, но были опыты в эпическом роде, например «Епиникионы» Феофана Прокоповича, и отличались эти русские эпические стихи от лирических действительно преимущественно размером. В том же смысле об эпической поэзии говорится в «Новом и кратком Способе к сложению стихов российских», выпущенном через год. Упомянув о правилах эпопеи, но не назвав их, он говорит, что она «есть наиблагороднейшая и наибольшая из всех поэм»,[12] однако перечень образцовых эпических авторов, приведенный ниже (Гомер, Вергилий, Вольтер, Тасс, Мильтон, он повторяет аналогичный, данный в Правиле IX «Способа», правда, там упоминаются и сами поэмы), кажется, может свидетельствовать о хорошем знании эпопеи. Несоответствие между определением эпопеи и знанием (и вероятным пониманием) этого жанра в его классических образцах связано с тем вынужденным существованием Тредиаковского в двух по крайней мере измерениях: в системе европейской литературы и в системе русской. Русский контекст им, безусловно, всегда учитывается, а возможно, и определяет его теоретические нововведения

Тредиаковский действительно положил в основу своего «Рассуждения» «Discours», но само влияние на него французского законодателя, а подчас и прямое заимствование из его трактата не только не умаляют значения дела Тредиаковского, но едва ли могут свидетельствовать о несамостоятельности теоретической мысли русского автора. За четыре года до выхода «Рассуждения» И. Х Готтшед, обладавший к тому времени значительно большим литературным опытом, издал свой известный «Versuch einer kritischen Dichtkunst vor die Deutschen. » («Опыт немецкой поэтики ..»), в котором особая глава была посвящена оде. К тому времени в Германии уже была написана лучшая ода И. Х. Гюнтера «Ode an den Prinzen Eugen» (1718), образцы жанра оставили Ф. Р. Канитц, И. У. Кениг, И. В. Питч, но Готтшед не делает попытки со-

---

[12] Новый и краткий способ к сложению российских стихов с определением до сего надлежащих званий СПб , 1735 Цит по *Тредиаковский В К* Избр произведения / Подгот текста Л И Тимофеева М , Л., 1963 С 417

здать свою «оригинальную» поэтику оды, а описывает жанр оды в тех же категориях, что и Буало (правда без ссылки на него), и называет образцовым одическим поэтом Пиндара. Одическая теория Буало ко второй четверти XVIII в. начала становиться хрестоматийной и признаваться как во Франции (во многом благодаря успеху од Ж.-Б. Руссо), так и за ее пределами: эту теорию использовали как основу поэтик литератур, входящих в сферу влияния классицизма. Этим в известной мере объясняется различие установок и тона «Discours» Буало и «Рассуждения» Тредиаковского, на которые указывает Г. Ахингер.[13] Экспериментаторскую оду Буало «На взятие Намюра» и связанный с ней и тоже революционный «Discours» Тредиаковский почитает за безусловный образец и истину.[14] Однако тон, которым эта истина преподносится русскому читателю («охотнику российскому»), помимо некоторой стилистической игры, имитирующей оригинал, вызван очень смелым новаторством, на которое решился Тредиаковский, перенося теорию и образец оды Буало на русскую почву.

В России ода была известна лишь самому просвещенному кругу и исключительно в ее горацианской разновидности. На Горация как на princeps lirye («главного поэта лирического») указывает Феофан Прокопович в своем трактате «De arte poetica» (1705),[15] все его отсылки и примеры связаны с одами римского поэта. Единственная ода Феофана Прокоповича «Ad augustissimum totius russiae imperatorem Petrum II. Cum Mosquam tenderet insignia regni Capessurus»,[16] приведшая в «великий энтузиасм удивления» [26] Тредиаковского в 1730 г., принадлежит горацианской традиции. Дошедшие до нас четыре оригинальные оды Антиоха Кантемира (в данном случае неважно, когда они были написаны — до отъезда, в 1729—1731 гг., или уже позднее, за границей) также горацианские. К горацианскому типу оды (правда, с неправильной для горацианской оды строфикой) относится и его перевод латинской школьной оды «Ода к императрице Анне в день ея рождения» (1731).[17] Еще одна ода с печатью горацианства неизвестного

---

[13] *Achinger G.* Der franzosischen Anteil an der russischen Literaturkritik des 18 Jahrhunderts. S. 29.

[14] *Живов В. М.* Церковнославянская литературная традиция в русской литературе XVIII в. и рецепция спора «древних» и «новых» // История культуры и поэтика. М., 1994. С. 69.

[15] *Феофан Прокопович.* De arte poetica // Феофан Прокопович. Сочинения. М., Л., 1961. С. 321.

[16] [*Феофан Прокопович*] Ad augustissimum totius russiae imperatorem Petrum II. Cum Mosquam tenderet insignia regni Capessurus. [SPb., 1727]. См. о ней: *Берков П. Н.* Одно из первых применений эзоповского языка в России (латинская «Ода Петру II» Феофана Прокоповича, 1927 г.) // Проблемы теории и истории русской литературы. М., 1971. С. 74—82.

[17] См. об этом: *Гершкович З. И.* Примечания // Антиох Кантемир. Собрание стихотворений / Подгот. текста и примеч. З. И. Гершкович. Л., 1956. С. 465—466.

автора появилась в 1732 г на страницах «Примечаний» к «Санктпетербургским ведомостям» [18]

Первый известный нам опыт Тредиаковского в жанре оды также связан с горацианской традицией Им следует, вероятно, считать французскую оду «Point de courage! point d'espoir!» («Где бодрость! где надея!»), написанную, скорее всего, еще в Париже [19] Эта ода отражает новую волну увлечения во Франции горацианством и представляет собой довольно типичный образец французской горацианской оды (тема непостоянства мира, короткая неравностишная строфа) Но в этой оде, как и во французских горацианских одах того времени, заметен след влияния теории оды Буало Оно обнаруживается и в смелом приступе, и в общей энергии оды По-видимому, для Тредиаковского резкое противопоставление горацианской и пиндарической оды отошло в прошлое и воспринимается им как предыстория современной оды Возможно, поэтому и исходя из непререкаемости в России авторитета «первого поэта лирического» Тредиаковский последовательно (а значит, намеренно) не противопоставляет в своем трактате Пиндара и Горация Это проявляется в отмеченном Г Ахингер центральном месте «Рассуждения», заимствованном из Буало, где дается сущностная характеристика стиля оды (у Буало стиля оды Пиндара) определением неопределимого furor poeticus,[20] а образцовыми авторами названы и Пиндар, и Гораций «Они только одни умели писать так чудесно, когда, чтоб изъявить разум свой как бы вне себя быть, прерывали с умысла последование своея речи и, чтоб лучше войти в разум, выходили, буде позволено так сказать после Буало, из самого разума, удаляяся с великим старанием от того порядка методичного и исправного связания Сенса, который имел бы отнять всю соль, весь сок, или лучше сказать, самую душу у лирической Поэзии» [26] В другом месте, характеризуя оду Феофана Прокоповича, он дважды сравнивает ее автора с Горацием («который по истине, как другие Горации » [26], «что Гораций бы сам, посмотрев оную [оду — *Н А*] в удивление пришел » [28]), а при перечислении ее достоинств наряду с «благородством», «высокостью», «великолепием» отмечает ее «энтузиасм» — свойство, как становится понятным из контекста «Рассуждения», близкое тому одическому «beau desordre»

---

[18] Ода // Исторические, географические и генеалогические примечания в Ведомостях СПб , 1732 Ч 1 С 1—4

[19] Она вошла вместе с ее русским переводом (одой «О непостоянстве мира»), помещенным перед ней и сделанным, возможно, уже в России, в сборник «Стихов на разные случаи», изданный вместе с «Ездой в остров любви» в 1730 г См также *Тредиаковский В К* Избр произведения С 78—80

[20] Об одическом furor poeticus и о «пиндаризме» см упоминавшуюся уже статью *Живов В М* Церковнославянская литературная традиция в русской литературе XVIII в и рецепция спора «древних» и «новых» С 63—73

(«красному беспорядку»), подробное описание которого было дано Тредиаковским словами Буало (только что цитированное) и которое, казалось бы, никак не согласуется с горацианской одой. Однако в данном случае «энтузиасм» означает у Тредиаковского, по-видимому, просто одушевление, возможное и желательное во всякой оде, а не тот особый одический восторг, близкий к экстазу, который будет позднее предписан оде как обязательный. Тредиаковский тем самым несколько сглаживает и обезличивает свойства пиндарической оды, расширяя одновременно их понимание. «Энтузиасм, — по его мнению, — гораздо ж не мал в одах Малерба» [26], поэта славившегося своей рациональной сдержанностью.

Нежелание противопоставлять Пиндара и Горация проявляется наиболее отчетливо в другом месте почти дословного перевода из Буало. Заимствуя из «Discours» пассаж в защиту оды «На взятие Намюра», приноровляя его к своей гданьской оде, Тредиаковский цитирует вслед за Буало и строку Горация: «Pindarum quisquis studet aemulari...»[21] — и приводит комментарий к ней Буало, но переводит его не дословно. У Буало: «...Гораций достаточно ясно дает понять, что если бы он сам захотел подняться на высоту Пиндара, то считал бы, что ему грозит большая опасность упасть».[22] Тредиаковский переводит это место так: «...Гораций дает довольно знать, что ежели б он сам хотел взлететь на высоту Пиндарову, то бы думал про себя, что необходимо наниз бы имел слететь» [30]. О «падении» Горация и едва ли посильной возможности для него держаться высоты Пиндара (о чем писал сам Гораций), иными словами — о разном уровне Горация и Пиндара, Тредиаковский не говорит: для него эти уровни неразличимы.

Признание и Пиндара, и Горация образцовыми авторами в жанре оды продиктовано, конечно, не незнанием различий между пиндарической и горацианской одой и, возможно, не «сознательным стремлением воспроизвести противостоящие друг другу позиции», чтобы «перенести таким образом на русскую почву всю полноту европейского многообразия»[23] (в последнем случае ничто не мешало Тредиаковскому последовательно охарактеризовать пиндарическую и горацианскую оды, как это было уже к тому времени принято во французских поэтиках), а стремлением, сняв противоречия между ними, увидеть в обеих и выявить то главное, то сущностное свойство оды, которое определяет этот жанр в любой его

---

[21] Тот, держась на крыльях, скрепленных воском,
Морю имя дать обречен, как Икар,
Кто, о Юл, в стихах состязаться — дерзкий —
С Пиндаром тщится (*пер Н С Гинцбурга*)

[22] *Буало Н* Рассуждение о оде // Спор о «древних» и «новых» М , 1985 С 267 (*пер Н В Наумова*)

[23] *Живов В М* Церковнославянская литературная традиция в русской литературе XVIII в и рецепция спора «древних» и «новых» С 63

разновидности. Ведь не случайно свое «Рассуждение» Тредиаковский посвящает оде «вообще», а не просто оде. «Рассуждение об оде» было бы калькой заглавия Буало «Discours sur l'ode», но уже в заглавии он отступает от французского образца, сразу заявляя этим, что его интересует ода как таковая, а не ее разновидность, которой был посвящен «Discours».[24] Поэтому, наверное, образцовыми авторами признаются поэты противоположных устремлений: Буало и Малерб, Пиндар и Гораций, равно классические и признанные в жанре «оды вообще». При этом Тредиаковский, кроме поэтов, уже отошедших в прошлое: Пиндара, Горация и Малерба, а также вызывающего его нескрываемое восхищение Буало, не называет никого из одописцев. Готтшед, например, из французских поэтов упоминает Ж.-Б. Руссо и Ш. Лагранжа. Прекрасную осведомленность во французской литературе Тредиаковский выкажет через год в «Эпистоле от российской поэзии к Аполину» (1735), но и в ней из французских одописцев будет назван один Малерб: «Одами летал Малгерб в них всегда достойно»,[25] а из упоминаний о Ж.-Б. Руссо станет ясно, что он ценится Тредиаковским не как классик жанра, а прежде всего как автор духовных од: «Больше чрез псалмы Руссо, хоть чрез все он знатен».[26] Таким образом, русская ода не получила никакого выбора образцов для подражания — Малербу, Пиндару и Горацию подражать было немыслимо, единым образцом оставалась ода Буало «На взятие Намюра», приступ которой помимо Тредиаковского варьировался Ломоносовым (ода «На взятие Хотина»), Сумароковым и др.[27]

В «Рассуждении» Тредиаковский называет основные принципы одического жанра, которые впоследствии станут прописными истинами. К ним принадлежат возвышенность («высокость», «благородство», «великолепие») и восторг («энтузиасм»). Они заимствованы у Буало. Но вот чего у Буало нет и что Тредиаковский силится определить, — это парение, ведь именно это свойство оды имеет в виду Тредиаковский, говоря об «удивительном вознесении к высоте слогом возлетающем, каково Пиндар и Гораций имеет, и каково господин Буало Депро иметь приказывает» [28]. Ссылка на Буало ложная — у Буало, хотя это вполне в духе его теории, этого нет. Тредиаковский, должно быть, опирается на другие французские поэтики.

Может быть, самым важным свойством оды для Тредиаковского стала «высокость» ее стиля и «материи», т. е. предмета.

---

[24] Аналогичное название и термин см у Тредиаковского в «Рассуждении о комедии вообще» (1752), где под «комедией вообще» будет пониматься комедия как таковая, без разделения ее на древнюю и новую, и в «Мнении о начале поэзии и стихов вообще» (1752)

[25] Цит по· *Тредиаковский В К* Избр. произведения С 391

[26] Там же

[27] *Сумароков А. П.* Ода на победы ⟨ ⟩ Петра Великого // Полн собр всех сочинений / Собр и изд Николаем Новиковым М , 1781 Т 2 С 3.

О ней говорится на протяжении всего трактата и в связи с эпопеей и песней, и при описании стиля псалмов, и в похвалу оде Феофана. Возможно, возвышенности в таком новом ее понимании более всего не хватало Тредиаковскому в русской панегирической поэзии, что и стало причиной введения в Россию новой одической теории

К концу «Рассуждения» Тредиаковский, специально не оговаривая этого, трижды упоминает жанр дифирамба (рассматривая свою оду, он ссылается на «дифирамбичество» и «пиит дифирамбических»). По Тредиаковскому, его ода, написанная по образцу оды Буало, пиндарическая («я всячески старался пиндаризировать» [30]) и написана с учетом законов «дифирамбичества». Лишь в конце «Рассуждения», таким образом, выясняется, что эта новая возвышенная, пиндарическая ода, о которой с опорой на Буало говорилось выше, близка известному в России по поэтике Феофана Прокоповича жанру дифирамба. Тем самым Тредиаковский, по-видимому, невольно выстраивает известную трехчленную иерархию лирической поэзии или оды. Низшей одой, по Тредиаковскому, является песнь, или стансы «средней материи, то есть не очень благородной ⟨. .⟩ так и речами средними, то есть ни очень высокими, ни гораздо низкими» [24]. Эта средняя ода при введении дифирамба становится низшей, дифирамб — высшей, а средней можно считать «оду вообще» Новая теория оказывается вполне соотносимой со старой.

«Рассуждение» не вызвало заметного резонанса. Тип оды и одические свойства, декларировавшиеся Тредиаковским, долгое время оставались чуждыми русскому читателю («охотнику российскому»), об этом можно судить по отсутствию подражаний оде «На здачу города Гданска» В 1730-е гг. заметное влияние оказывал, как известно, «Способ к сложению российских стихов».[28] В нем вместе с «правилами сложения стихов» были предложены два образца оды со ссылкой по поводу жанра на «Рассуждение». Оды «Способа» даны как примеры разных версификационных систем: новой — силлабо-тоники и старой — силлабики. Первая ода «В похвалу цвету розе» состоит из 8-стишных строф равными стихами (русский «пентаметр» — одиннадцатисложник шестистопного хорея). Кроме равностишной строфы, близкой классической, она не имеет ничего общего с «пиндарической» одой образца Буало. Вторая ода «В славу правды, побеждающия ложь и всегда торжествующия над нею» продолжает традицию русской буалоистской оды, положенную одой «На здачу города Гданска» Возможно, она создавалась в 1734 г., в период работы над «Рассуждением» и гданьской одой. В ней тот же девятисложный стих

---

[28] См об этом· *Берков П Н* Ломоносов и литературная полемика его времени М , Л , 1936 С 55

(правда, строфа укороченная — шестистишная) и близкая гданьской оде экспрессия («Что за злость? и что за ярость?»). Примечательно, что ода эта была переведена Тредиаковским из Ф. Фенелона (на что он не указывал) и, таким образом, представляла собой на самом деле образец оды до так называемой «реформы оды» Буало. Но в русском контексте ода, созданная по образцу Буало («На здачу города Гданска»), и ода Фенелона оказывались настолько близки, что могли восприниматься как один тип оды.

В первые годы после «Способа» влияние оды «В похвалу цвету розе» возобладало. Сам Тредиаковский в 1736 г. переводит немецкую оду «Zu dem ⟨...⟩ Geburts-Feste ⟨...⟩ Anno Ioannowna...» («Торжественный день рождения...»),[29] написанную классической одической строфой, «экзаметром нашим», т. е. тринадцатисложником семистопного хорея. Правило «Рассуждения» — «ода никогда не пишется героическим стихом» [24] — забыто. Ученики Тредиаковского опирались на опыт оды «В похвалу цвету розе» и, возможно, на эту переводную оду. Причем оды, написанные «экзаметром», были более распространены. Это естественно. Усвоив новую силлабо-тоническую систему, поэты неизбежно усваивали и образец оды, написанный в этой системе; тонический же тринадцатисложник («экзаметр») стал основным ее стихом. Так, А. П. Сумароков свои ранние оды («...в первый день нового года 1740...») создает по образцу од Тредиаковского.[30] Первая, «Как теперь начать Анну поздравляти...», написана строфой оды «В похвалу цвету розе». В ней можно заметить стремление к некоторой экспрессии («энтузиасму»), но в целом до «краснаго беспорядка» оды Буало ей очень далеко. Вторая, «О Россия веселись, монархиню видя...», возможно, восходит к образцу переводной оды «Торжественный день рождения...». Во всяком случае, она написана «экзаметром» и от «дифирамбической» оды оказывается еще дальше. Ода «Радость столичнаго города...» (1742)[31] также состоит из гекзаметров. «Экзаметром» написаны и приветственные стихи Елизавете на посещение ее Троицкой лавры — «Кую радость ныне наш Радонеж имеет...» (1744).[32] Ода образца Буало, в своем русском варианте офор-

---

[29] Zu dem ⟨. .⟩ Geburts-Feste ⟨. ⟩ Anno Ioannowna SPb , 1736. Русский перевод издан отдельно: Торжественный день Рождения ⟨ ⟩ Анны Иоанновны ⟨ .⟩ всеподданейше прославляет Академия наук. СПб , 1736.

[30] Они опубликованы П Н Берковым в изд · *Сумароков А. П* Избр произведения Л., 1957. С 49—51.

[31] Один из списков ее приводит В Н. Перетц — см . *Перетц В. Н* Очерки по истории поэтического стиля в России· (Эпоха Петра Великого и начало XVIII ст) // ЖМНП 1905 Ч 359, № 10 С 59 Другой хранится в РГБ и описан П Н Берковым — см : *Берков П Н* Ломоносов и литературная полемика его времени С 32—33

[32] Описание краткими стихами иллюминации на всерадостное е и. в ⟨ ⟩ имп Елизаветы Петровны ⟨ ⟩ пришествие в Троицкую Сергиеву обитель СПб , 1744

мившаяся в силлабике, оставалась за пределами новой системы. Это не единственная, но, думается, одна из важных причин полной «глухоты» к «Рассуждению»· успеху «Рассуждения» мешает «Способ».

Можно было бы думать, что программа Тредиаковского не удалась. «Рассуждение» с его центральной идеей «высокости» и русский образец «пиндарической» оды забыты и никакой роли не играют. Возможно, русская ода и в дальнейшем развивалась бы в традиции русских стихотворных панегириков, сохраняя «умеренный» стиль, если бы в 1739 г. Ломоносов не создал оду «На взятие Хотина», положив ею начало новой одической традиции. Его первая ода, перевод оды Ф. Фенелона, присланный из-за границы в Академию наук в 1738 г. («Горы, толь что дерзновенно...»), написана уже в тонической системе, правильным четырехстопным ямбом, и представляет собой (и по стилю, и по форме) образец французской оды, близкий тому, который Тредиаковский пытался внедрить в Россию «Рассуждением», гданьской одой и одой «В похвалу правды» и который считал «правильным» Теорию оды Ломоносов изучил по «Versuch einer kritischen Dichtkunst» Готтшеда, повторявшего в своей основе теорию оды Буало. Однако, по всей очевидности, первое знание об оде французского типа он получил из «Рассуждения». Своими первыми одами Ломоносов одновременно отменяет правила стихосложения «Способа» и невольно утверждает принципы «Рассуждения» С торжеством оды Ломоносова в России устанавливается буалоистский тип оды, тем самым русская ода по существу воплощает в себе идеал оды, впервые предложенный и описанный Тредиаковским. «Рассуждение» становится актуальным трактатом, на долгое время единственным источником знаний об оде. Последующие одические теории, появляющиеся в России, так или иначе с ним связаны. Русские заимствованы или навеяны им,[33] переводные относятся к той же буалоистской традиции. «Рассуждение» если и не выполнило своей задачи ввести в Россию новый жанр высокой оды — это было сделано Ломоносовым, манифестом русской оды все-таки стало, сопровождая ее на всем протяжении ее блистательного пути.

---

[33] О полном соответствии раздела об оде в «Правилах пиитических» Аполлоса Байбакова «Рассуждению» см *Кадлубовский А П* «Правила пиитические» Аполлоса Байбакова // ЖМНП 1899 № 7 С 487—489 На «Рассуждение» Тредиаковского в начале своего «Рассуждения о лирической поэзии, или об оде» ссылается Г Р Державин — *Державин Г Р* Рассуждение о лирической поэзии, или об оде // Сочинения Державина с объяснительными примечаниями Я Грота СПб , 1872 Т 7 С 601